

DOI: 10.21779/2077-8155-2018-9-1-42-53

УДК 393 (=512.143)

Содержание статьи

Информация о статье

Ф.Г. Галиева¹

Введение
Кладбища
Намогильные сооружения
Заключение

Поступила в редакцию:
07.11.2017.
Передана на рецензию:
13.11.2017.
Получена рецензия: 21.11.2017.
Принята в номер: 26.01.2017.

Модель ислама у башкир по материалам этнографического исследования кладбищ и намогильных сооружений

*Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра
Российской академии наук; afg18@mail.ru*

В статье изучается региональная модель ислама у башкир на примере этнических обычаев, связанных с кладбищем, намогильными сооружениями, которые можно считать материальным воплощением религиозных верований. Для написания статьи привлечены полевые этнографические материалы, проанализированные сравнительно-историческим методом. Объектом исследования стали в основном сельские жители как хранители традиций. Показано, что распространенное мнение о возрождении ислама у башкир подтверждается лишь отчасти. До сих пор сохраняются территориальные и родоплеменные доисламские обычаи. В горно-лесных селениях делаются намогильные срубы. В районах, расположенных ближе к столице, внутрь старых срубов в последние годы стали помещать каменные мусульманские памятники в качестве компромисса между доисламскими и исламскими обычаями. В ареалах, где традиционно устанавливали намогильный столб, в наши дни он соседствует с каменной плитой. На башкирских кладбищах сохранились каменные кладки вокруг могил, деревянные столбики и столбы, каменные плиты и получившие распространение в советский период металлические сооружения. Обычай степных башкир ставить намогильный камень слился с мусульманской традицией. Вместо необработанного камня чаще всего используется светлый мрамор, вместо родового знака (тамга) – символ ислама (полумесяц). Несмотря на запрет по шариату, на памятниках закреплены портреты умерших, в изголовье или по всей поверхности могилы кладутся искусственные цветы, иногда монеты как подношение миру мертвых. На кладбище проводятся ритуалы языческого происхождения. Несоблюдение норм шариата при установке намогильных сооружений и проведении обрядов связано с незнанием канонов ислама и силой традиционных обычаев.

Ключевые слова: *ислам, религиозная идентичность, доисламские верования, региональные особенности ислама.*

¹ *Фарида Габдулхаевна Галиева* – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, доцент, зав. отделом этнографии ИЭИ УНЦ РАН, orcid.org/0000-0002-1548-3012.

DOI: 10.21779/2077-8155-2018-9-1-42-53

UDC 393 (=512.143)	Content of the article	Information about the article
<i>F.G. Galieva</i> ²	Introduction. Cemetery. Sepulchral constructions. Conclusion.	Received: 07.11.2017. Submitted for review: 13.11.2017. Review received: 21.11.2017. Accepted for publication: 26.01.2017.

The Model of Islam among the Bashkirs Based on Ethnographic Research of Cemeteries and Sepulchral Constructions

R.G. Kuzeev Institute of Ethnological Studies of Ufa Research Center, Russian Academy of Sciences; afg18@mail.ru

The article examines the regional model of Islam among the Bashkirs through the example of ethnic customs related to cemeteries and sepulchral constructions that can be viewed as a material embodiment of religious beliefs. The article is based on field ethnographic materials analyzed applying the comparative-historical method. The target of research are mainly rural residents as custodians of ethnic traditions. The author demonstrates that the widespread opinion on the revival of Islam among the Bashkirs is only partially confirmed. Territorial and tribal pre-Islamic customs are still preserved. Sepulchral log constructions are erected in villages located in the mountains and forests. In recent years, stone Muslim monuments are placed inside old log constructions in the areas closer to the capital, which can be viewed as a kind of compromise between pre-Islamic and Islamic customs. In the areas where sepulchral pillars were traditionally reared, such pillars now sit side by side with stone slabs. In Bashkir cemeteries, stone masonry around the graves, wooden posts and pillars, stone slabs and metal structures remain in place since the Soviet period. The custom of steppe Bashkirs to put a gravestone has merged with the Muslim tradition. Instead of untreated stone, light marble is used most often, instead of a generic sign (tamga) – a symbol of Islam (crescent). Despite the ban on sharia, the portraits of the deceased are fixed on the monuments. Sometimes, artificial flowers and coins as an offering to the world of the dead are placed on the headboard or on the entire surface of the grave. Rituals of pagan origin are held at the cemeteries. Failure to comply with the norms of Islam when installing the gravestones is explained by the people's ignorance and the persistence of traditional beliefs.

Keywords: Islam, religious identity, pre-Islamic beliefs, regional features of Islam.

Введение

На страницах журнала «Исламоведение» многократно рассматривались региональные модели ислама, сформировавшиеся у ряда народов под влиянием доисламских верований. Эта актуальная научная проблема впервые в настоящей статье изучается у башкир на примере обычаев, связанных с кладбищем в целом и надгробными сооружениями в частности, которые можно считать материальным воплощением религиозной идентичности и маркером этнокультурных процессов. Во все

² *Farida Gabdulkaevna Galieva* – Cand. Sc. (History), Dr. Sc. (Philology), Head of the Department of Ethnography at the Institute of Ethnological Studies of Ufa Research Center, Russian Academy of Sciences; orcid.org/0000-0002-1548-3012.

времена разные народы старались строго соблюдать похоронно-погребальные обычаи, чтобы обеспечить благополучие живых и поддержку со стороны мертвых. Поэтому полученные в ходе исследования сведения могут дать достаточно объективную картину о верованиях башкир. Для написания статьи привлечены полевые материалы, собранные этнографическими методами (опрос и наблюдение, аудио- и фотофиксация), изученные методом сравнительно-исторического анализа. Объектом исследования стали в основном сельские жители, сохраняющие этнические традиции в отличие от городского населения. Хронологическими рамками исследования является конец XIX – начало XXI века, хотя делаются экскурсы в более ранние времена.

Башкиры – тюркский народ численностью около 1,6 млн чел., из них 1,2 млн проживает на территории Республики Башкортостан. В 2014 г. мусульманами считали 89,0 % башкир, православными – 3,1 % [11]. По историческим источникам, проникновение ислама в Башкирию стало результатом торгово-экономических и культурных связей с мусульманскими странами, установленных в VIII–IX веках, и деятельности суфийских миссионеров из Средней Азии и Булгарии. Окончательное утверждение ислама у башкир произошло в 1320–1330-е годы при золотоордынском хане Узбеке [1, с. 495–496]. По археологическим сведениям, первым мусульманским памятником является Левашовский (Стерлитамакский) могильник (караякуповская культура, VIII–IX вв., находки В.А. Иванова). Повсеместное распространение мусульманского обряда захоронения (в саване, ориентировка ям на запад, лиц погребенных – на юг, в сторону Мекки, отсутствие вещей в могиле) в ареалах расселения башкир получило в XIV–XV веках [4, с. 26–27].

Описывая современную ситуацию, исследователи отмечают в постсоветское время рост числа мусульманских приходов, организаций, мечетей, учебных заведений, паломников в святые места, подводя к выводу о возрождении ислама у башкир [1, с. 509–511]. Однако данные социологических опросов дают другую картину: лишь 4,1 % башкир выполняют все предписания Корана, 30,4 % – часть предписаний, столько же не выполняют ни одного предписания, остальные затруднились ответить [11]. Чтобы выяснить, какова же реальная картина, как внешние проявления религиозности (участие в обрядовой жизни) соотносятся с внутренними убеждениями, предпринято настоящее исследование.

Кладбища

Кладбища у башкир (*зыярат*) традиционно располагаются недалеко от деревни на возвышенности (по мифологическим представлениям древних тюрков – ближе к верхнему миру, где живут боги). В конце XIX в. Д.П. Никольский писал, что у степных башкир кладбища находятся в березовых рощах [8, с. 111]. Вероятно, они образовывались в результате высадки березы (дерево печали и скорби) на могилы и их последующего разрастания. Существовало языческое представление о том, что душа умершего временно помещается в дерево и с его помощью перемещается в верхний мир [15]. Уходя корнями в землю, а кроной устремляясь к солнцу, дерево в данном контексте рассматривается как посредник между нижним, средним и верхним мирами. На современных кладбищах по-прежнему много деревьев, в горно-лесных районах – хвойных и лиственных пород, в Зауралье – березовых рощ. Однако обычай высаживать березу или какое-либо другое дерево на могиле в XX веке был утрачен. Более того, сформировалось убеждение, что этого делать нельзя, потому что корни будут впиваться в глаза, нос и уши покойнику. (Это представление сложилось вследствие мер властей по обеспечению противопожарной безопасности вблизи селений путем ограничения лесных насаждений.) Возможно, раньше на могилах высаживали родовые деревья, у многих родов – это хвойные, отличающиеся

высотой и долголетием (у рода табын – лиственница, у рода кипчак – сосна и пр.). Родовые деревья могли служить маркером социальной принадлежности умершего и заместителем человека в мире людей; в таком случае становится понятен запрет на рубку некоторых пород деревьев из-за угрозы гибели человека [1, с. 475], особенно родовых деревьев на кладбище [15].

Жители некоторых селений имеют не одно, а несколько кладбищ (с. Узунларово Архангельского р-на, с. Шигаево Белорецкого р-на и др.), что, вероятно, связано со сложным родоплеменным составом поселений. Можно предположить также, что башкиры имели родовые кладбища: исходя из поверья, сохранившегося до наших дней, люди, захороненные рядом, встретятся в мире мертвых. В тех районах, где дольше сохранялись кровная месть и вражда между племенами (Зауралье), функционировали отдельные кладбища, где не могло быть места врагам и чужакам. Появлению общих кладбищ способствовало формирование постоянных селений, которые стали результатом внутриэтнической консолидации и проведения политики прикрепления кочевников к землям, а также увеличения плотности населения из-за многочисленных переселенцев из губерний России (русских, украинцев, белорусов, татар, чувашей и пр.), необходимости структурирования социальных отношений, унификации местообитаний живых и мертвых людей, появления соответствующего законодательства.

Действующие кладбища башкир огорожены, заброшенные – нет. Повсеместное огораживание кладбищ произошло в середине XX века, хотя работа в этом направлении велась с 1920-х годов в процессе землеустроительных работ (на основе Земельного кодекса, принятого 01.12.1922 г.). Старожилы д. Теряклы Архангельского района (в том числе информатор Х.А. Фазылов, 1933 г. р.) считают, что их кладбище стало иметь забор по указанию властей до начала XX в. с целью ограничения территории, изобилующей ценным для государства лесом. По опросам информаторов, основной причиной огораживания кладбищ является защита от попадания туда домашнего скота (являвшегося основным богатством кочевников), что сулит живым несчастья. (Еще один пример того, как вначале из практических соображений появился обычай, а затем мотивация к его соблюдению.) Другой важной причиной называется необходимость выделения территории, где нельзя выполнять хозяйственные работы, например, косить сено, что делалось в советские годы (д. Кустыгулово Кармаскалинского р-на, З.Г. Рахимов, 1957 г. р.). Также говорят о кладбищенском пространстве как сакральном, где живут духи предков, поэтому при входе всегда нужно спрашивать их разрешение и просить прощение за беспокойство.

Современники ухаживают за могилами родителей и других близких родственников, как это советовал пророк Мухаммед, ведь это напоминает о Конце Света и смерти. В случае необходимости современники поправляют памятники, хотя по доисламскому обычаю не рекомендовалось даже притрагиваться к ним: всё, что на кладбище, принадлежит миру мёртвых. Многие информаторы не знают месторасположение могил своих дедов и прадедов, захороненных на том же кладбище, что и родители, потому что отцы в советское атеистическое время не передали эту информацию детям. Попытки их найти по надписям на необработанных камнях, которые раньше устанавливались на могилы, в основном оказываются неудачными. Во-первых, они разрушены временем и природой (ветры, осадки, наросты растений), во-вторых, в советские годы камни-памятники нередко увозились в села и использовались как строительный материал, тем самым освобождалась площадь для новых захоронений. Это было сделать несложно, учитывая, что до 1970-х годов в большинстве случаев могилы башкиры не огораживали. По словам старейших информаторов (священнослужителей), примерно через 60 лет после погребения, когда намогильное сооружение разрушится, разрешается повторно использовать это место для погребения; если бы этого не было, вся земля могла превратиться в кладбище. Принцип клановости при захоронении представителей одной фамилии во многих башкирских селениях стал соблюдаться в последние десятилетия.

Намогильные сооружения

Разнообразие намогильных памятников у башкир связано с природно-географическими особенностями мест проживания и традициями того или иного рода башкир. Выделяется несколько видов традиционных намогильных памятников, изготовленных из двух видов материала: природного камня и дерева. Из камня – памятник и каменная кладка. Из дерева – сруб либо один или два столба (столбика). В советские годы были популярными металлические конусообразной формы сооружения, которые у партийных и комсомольских работников имели наверху в виде красной звезды. По исламской традиции разрешено помечать могилы камнями или палками, запрещено покрывать могилы штукатуркой, сидеть на них или надстраивать что-либо над ними (хадис Ибн Маджи, хадис Ан-Нисаи). Таким образом, обычай ставить на могилу сруб противоречит нормам ислама, однако он до сих пор бытует в ряде районов у башкир, считающих себя мусульманами.

Сруб (бура) у современных башкир считается «домом» умершего, аналогом жилища

Фото 1. Намогильный сруб. Село Ибраево Зиянчуриноского р-на РБ. 1958 г. Из архива автора

живого человека. Для их сооружения, по рассказам башкирских информаторов, есть три причины: 1) сруб необходим для обитания там души; 2) сруб служит маркером захоронения человека, чтобы случайно сюда не похоронили еще кого-нибудь, иначе духи поссорятся; 3) обычно говорят, что срубы необходимы для защиты от скота (видимо, чтобы усилить функции общей ограды кладбища).

Устраивать срубные конструкции – традиция многих археологических культур Южного Урала с эпохи энеолита (IV–III тыс. до н. э.). Она зафиксирована у представителей ямной культуры, абашевской (XVII–XIV вв. до н. э.) и срубной (нач. II тыс. до н. э. – XIV–XIII вв. до н. э.) [7, с. 13, 24].

Срубы обнаруживаются во всех крупных сарматских курганах (Прохоровка, Переволочан, Филипповка и др.) [15]. Если многие археологические культуры характеризуются полуземлянками-домиками, соответственно могилами, то у башкир срубное сооружение представляет собой намогильную постройку, которая, как пишет Р.М. Юсупов, в прошлом могла использоваться как место для наземного выставления трупа с целью отделения мягких тканей птицами и мелкими хищниками и дальнейшего захоронения чистых костей [14]. Обычай исходит из представлений зороастризма о запрете осквернять землю трупом. Можно также предположить, что срубы башкир были призваны соединить могилу человека с верхним миром, тем более что они делаются из стволов деревьев (как показано выше) – посредников между мирами.

До сих пор срубы для умерших сооружаются у башкир Бурзянского, Зилаирского, Абзелиловского районов (Башкирское Зауралье), а раньше – и в других горно-лесных районах. В Зилаирском районе традиция приостанавливалась в годы советской власти и возобновилась в постсоветское время (д. Верхнесалимово Зилаирского р-на). В Архангельском районе срубы перестали ставить около 30 лет назад. Жители с. Азово указанного района вспоминают, как один старожил сам себе подготовил сруб (не камень), попросил поставить его на свою могилу: «камень будет давить на грудь» (д. Азово Архангельского р-на, Ф.Ш. Садыков, 1936 г. р.). В д. Кустыгулово Кармаскалинского района, соседствующего с Архангельским, не входящим в горно-лесную зону, с давних времен практиковали каменные памятники, но иногда и срубы. Последний сруб здесь поставили в 1959 году.

Информаторы называют несколько причин прекращения традиции ставить сруб в Архангельском районе:

Фото 2. Изготовление сруба. Село Гадельгареево Бурзянского р-на РБ. 2014 г. Из архива ИЭИ УНЦ РАН

1. Запрет местных леспромхозов в связи с истреблением лесов.

2. Ухудшение качества древесины. Срубы раньше ставили из дуба, долгопрочного материала, который гнивал лишь за 50–60 лет. В связи с изменением экологии бревна из дуба приходят в негодность за 15–20 лет, поэтому утерян смысл в таких срубах.

3. Усиление позиций ислама. «По исламской традиции на могилу умершему должны ставить камень, а не сруб» (д. Теряклы Архангельского р-на, Х.А. Фазылов, 1933 г. р.).

Повсеместно для изготовления сруба использовался дуб. Наверху устанавливались

перекладины (имитация кровли, создание замкнутого пространства, защита от воздействия злых духов). Территориальные отличия наблюдаются в высоте, форме и конструкции срубов. Например, в с. Иргизлы Бурзянского р-на срубы – в 3 венца, в с. Киекбаево того же района – в 5 венцов. В обоих случаях прямоугольная форма, решетчатый вид (с просветами между бревнами). В с. Ибраево Зианчуринского р-на у срубов 7 венцов, пирамидальная форма, бревна тесно прилегают друг к другу (см. фото 1).

В д. Азово Архангельского района сохранившиеся сооружения прямоугольной формы и состоят из трех венцов (каждое бревно примерно 20 см). По словам уроженца д. Теряклы Х.А. Фазылова (1933 г. р.), вначале умершему ставили сруб с плотным прилеганием бревен, чтобы тело в первую очередь съели мыши, крысы, черви (представители подземного мира), а затем сруб обретал решетчатый вид, чтобы тело доедали звери.

Обращает внимание, что количество венцов у сруба всегда нечетное, это связано с языческой символикой смерти (характеристика, определяющая невозможность делиться нацело на два). По убеждениям башкир, нечетным должно быть количество метров для пошива савана (7 м – для детей, 9 или 11 м – для взрослых, в зависимости от комплекции человека), количество людей, участвующих в омовении покойника (5 или 7), количество досок, которыми закрывают могильную нишу (7, 9, или 11).

Различия в размерах срубов и принципах установки надсрубных балок имеются в рамках одного села. Например, на кладбище с. Гадельгареево Бурзянского района срубы в среднем в длину 210 × 140 см, в высоту 62–75 см. Есть более массивные образцы – 330 × 280, в высоту 110 см, что может быть связано с высоким социальным статусом умершего. Выявлено пять вариантов установки балок над срубами: 1) короткая переключина по центру; 2) две короткие переключины на расстоянии друг от друга; 3) одна длинная балка вдоль сруба; 4) две длинные балки; 5) две длинные, а сверху – одна короткая. С чем связано такое разнообразие, пока выявить не удалось. По словам информаторов, главное, чтобы надсрубные балки были. Чашки небольшие, поэтому бревна неплотно примыкают друг к другу. У изголовья установлены столбики с данными об умершем, их высота соответствует общей высоте сруба. В с. Иргизлы того же района вместо столбиков принято ставить полу-бревна или доски выше сруба.

Сруб обычно делается односельчанами около кладбища в то же время, когда копается могила (чтобы не заставлять «ждать» могилу) (см. фото 2). Снятая кора и ветки тут же сжигаются, чтобы «не навредить живым» (как часть объекта, принадлежащего миру мертвых). После погребения умершего готовая конструкция переносится на могилу. В с. Иргизлы Бурзянского р-на сруб изнутри заваливается землей, и таким образом становится, верхней частью могилы. Во многих других случаях сруб возвышается над могилой.

В последние десятилетия появился обычай модернизировать старые срубные сооружения. На кладбищах Архангельского района сгнившие перекладыны сруба убираются, внутрь помещается железная ограда, в изголовье устанавливается каменная плита с данными об умершем, что допускается по шариату (см. фото 3).

В Бурзянском районе внутри старых срубов железные ограды не ставят, но в изголовье помещают либо каменную плиту, либо памятник из металлических прутьев конусообразной формы.

Делать умершему сруб – традиция не только башкир, но и других народов Урало-Поволжья (закамские удмурты [10, с. 183], приуральские марицы [16, с. 342]) и Сибири (тарские и другие группы сибирских татар, алтайцы, теленгиты, ханты, манси, ненцы, нганасаны, энцы [5, с. 102, 118, 135, 144, 149, 155, 190]). Срубы могут быть одним из доказательств в пользу концепции чл.-корр. РАН Р.Г. Кузеева о том, что Урало-Поволжье и Сибирь в прошлом образовывали единую этногенетическую и этнокультурную общность [10]. Так или иначе, делать срубы – это давняя доисламская традиция, сохранившаяся у некоторых территориальных групп башкир.

Каменная обкладка (прямоугольное ограждение из камня-плитняка) раньше использовалась в горно-лесной и лесостепной зонах. Это также древнесибирская традиция, имевшая функцию оберега от злых божеств, которые якобы водятся в земле [12, с. 173]. По мнению исследователя, погребальной обрядности башкир Р.М. Юсупова, башкирами она заимствована у дотюркского населения, возможно, савромато-сарматского, и считалась престижной (статусной) для умерших [14, с. 222–224]. (Камень по мифологическим представлениям разных народов соединяет небо и землю.) Высота кладки у башкир варьировалась от 0,5 до 0,8 м.

Фото 4. Каменная обкладка могилы. Деревня Ильчигулово Миякинского р-на РБ. 1984 г. Из архива автора

Внутри обкладки делали одно, два или три захоронения. Длина достигала 10 м, ширина – 5 м. По исследованиям Н.В. Бикбулатова и Ф.Ф. Фатыховой, в ряде случаев семейные участки объединяли каменной кладкой и общим деревянным срубом [2, с. 127], а сверху клали несколько досок аналогично перекладам на срубах (фото 4).

Каменную обкладку делали томские, барабинские татары [5] и другие народы. На кладбище с. Старобелокатай Белокатайского р-на (северо-восток республики) также делается кладка могил из камня-плитняка, изобилующего в окрестностях села. В башкирских селениях, где раньше делали каменную кладку, в наши дни по исламскому

Фото 3. Каменная плита внутри сруба. Деревня Азово Архангельского р-на РБ. 2017 г. Фото автора

обычаю устанавливаются каменная плита и ограда (обычно металлическая, реже деревянная).

В постсоветское время в Башкирии возросла популярность каменной обкладки вокруг могил почитаемых святых (*аулийа*). По традиции они захоронены на возвышенностях, вершинах гор. Тысячи паломников с целью исцеления и решения других проблем поднимаются к ним, принося камни и складывая их вокруг могилы, образуя внушительных размеров насыпи (более 10 м в диаметре, 1,5 м высотой). По языческой традиции на могилу паломники бросают монеты, хлебные крошки и зерна для птиц [1, с. 512].

Намогильный камень является традиционным у степных башкир, в данном случае древний обычай слился с мусульманской традицией. В прошлом для большинства людей каменные памятники делали из необработанного материала местного происхождения, для духовенства – из привозных обработанных. Размеры варьировались (от 20–30 см до 2,5 м), как и форма (в виде прямоугольника, полукруглой формы или стелы). Современные памятники изготавливаются специальными службами в основном из мрамора, реже из гранита, по размерам, принятым в конкретной местности. На башкирских кладбищах у некоторых памятников нарушен принцип установки лицевой частью к востоку, к Мекке, по незнанию мусульманского обычая.

Следует упомянуть наличие у предков башкир каменных изваяний (*таш иней* – «каменная баба»), которые напоминают силуэт человека и часто встречаются в южных районах республики. Один из таких памятников (Хайбуллинский р-н, XI – нач. XIII в.) в настоящее время экспонируется у входа в Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН. Эти изваяния представляют традицию кипчаков и скифов, некогда широко распространенную в степях Юга России, Южной Сибири, Средней Азии, Монголии, Азербайджана, Востока Украины и Германии [3, с. 56-59]. Обычай связан с идеей продления жизни умершего путем сохранения его образа. Он исходит из концепции древних тюрков недуального мировоззрения, где нет полного разрыва между жизнью и смертью, где смерть – проявление жизни, ее градация [13, с. 24].

Фото 5. Намогильные камни. Село Якшимбетово Куюргазинского р-на РБ. 2016 г. Фото автора

На сельских кладбищах количество старых каменных памятников с каждым годом уменьшается. На сохранившихся можно прочитать родовую тамгу и надписи арабским шрифтом с данными об усопшем (см. фото 5). Сверху иногда имеются небольшие углубления для воды, которую могут испить птицы – посредники миров (д. Якшимбетово Куюргазинского р-на). На некоторых башкирских кладбищах могилы отмечены двумя каменными плитами: одна – у изголовья с надписью, другая – меньших размеров, без

надписи – в ногах (д. Абултаево Чишминского р-на) как указатель размеров умершего. При отсутствии оград это позволяло лучше ориентироваться на кладбище, чтобы невзначай не наступить на могилу, которая со временем сравнивается с землей. Намогильные сооружения из природного камня имели распространение не только у мусульман – башкир, татар, но и под их влиянием у удмуртов [10, с. 183] и марийцев Башкортостана [16, с. 341].

Деревянные столбики на могилах башкир находятся в изголовье могильного холма. На них резьбой или долблением раньше наносили тамгу (особенно в лесостепи), на арабском языке высекали имя умершего, дату рождения и смерти, изречения из Корана. На некоторых столбах и сейчас можно прочитать фамилию, имя и годы жизни (с. Улукулево Кармаскалинского р-на). Столбики-надгробия делали из досок, бревен и полу-бревен высотой в среднем от 0,5 до 1,5 м.

У башкир Курганской области на могиле до сих пор устанавливают два деревянных столба – в изголовье и в ногах. На кладбище д. Азналино Сафакулевского района столбы вертикальные, столб в изголовье выше второго, со сферическим навершием, отделенным «воротничком», что придает антропоморфные черты, в ногах – естественной цилиндрической формы. В д. Шарипово Альменевского р-на столбы вертикальные с заостренными краями. В д. Аптекаево Сафакулевского района и д. Арсланово Щучанского р-на столбы в ногах и в изголовье сверху заострены, наклонены к земле: столб в изголовье – влево, в ногах – вправо. Такое расположение определено родоплеменными традициями. В Азналино Сафакулевского района живут айлинцы и сарты, в д. Аптекаево того же района – калмаки, в д. Шарипово Альменевского района – катайцы, в д. Арсланова (Арсланово) Щучанского р-на – калмаки. Во всех случаях намогильные столбы устанавливаются исключительно из старого высохшего дерева (часто осины). По народным представлениям, если использовать молодое дерево, в семье будут умирать не старые люди, а молодые. Намогильные столбы изготавливают мужчины, ни в коем случае не близкие родственники покойного. Антропоморфный вид столба у изголовья и еще один столб в ногах – традиция также закавказских удмуртов [10, с. 182], марийцев [16] и приуральских чувашей [9, с. 150].

В д. Якшимбетово Куюргазинского р-на сразу после захоронения ставят столбик, рядом с которым со временем устанавливают памятник. По представлениям башкир, без такого столбика не обойтись: после захоронения должно пройти несколько месяцев, пока осядет грунт, будет сделана, приобретена и установлена каменная плита. За это время могила не может быть немаркированной. Тот же обычай в д. Ялсы Кугарчинского р-на. Но если в Куюргазинском районе столбики небольшие (20–30 см), то в Кугарчинском р-не высота столба достигает 2–2,5 м и более, при этом примерно 1 метр вкапывается в землю. Навершие столба имеет заостренную форму (направление переселения души). В с. Улукулево Кармаскалинского р-на деревянные столбы ставили до 1980-х годов, затем их сменили памятники из камня современного вида с табличкой, содержащей данные о покойном. Вероятно, установка столба является не только меткой об умершем, но и аналогией с посадкой на могиле дерева, в которое поселяется душа.

Заключение

Башкиры, идентифицирующие себя мусульманами, до сих пор сохраняют доисламские верования. На сельских кладбищах некоторых горно-лесных селений они сооружают намогильные срубы, практиковавшиеся у ряда археологических культур Южного Урала. В районах, расположенных ближе к столице, внутрь старых срубов в последние годы стали помещать каменную плиту, как предписывает шариат в ареалах, где традиционно устанавливали намогильный столб, в наши дни он соседствует с каменной плитой с надписями на арабском языке. Таким образом, соблюдаются как доисламские, так и исламские обычаи. На башкирских кладбищах сохранились каменные кладки вокруг могил, деревянные столбики и столбы, каменные плиты и получившие распространение в советский период металлические сооружения. Обычай степных башкир ставить намогильный камень слился с мусульманской традицией. Вместо необработанного камня чаще всего используется светлый мрамор, заменив родовой знак (тамгу) на символ ислама (полумесяц). Несмотря на запрет в исламе, на памятниках закреплены портреты умерших, в изголовье или по всей поверхности могилы разложены искусственные цветы, иногда монеты как подношение миру мертвых.

Сохранение доисламских традиций у башкир проявляется и в обрядности, проводимой на территории кладбищ. В д. Кустыгулово Кармаскалинского р-на в случае засухи на могилы висельников с молитвами лили воду из фляги, чтобы смыть (в прямом и переносном значении) их грехи. (В советское время самоубийц хоронили на общем

кладбище, как и сейчас.) В Курганской области долгая засуха до сих пор связывается с тем, что в деревне много грешников или какой-нибудь человек остался непогребенным. Старики на кладбище поправляют могилы, выравнивают ямки – норы зверей, хоронят тела, найденные в лесу в окрестностях деревни. По словам информаторов, после этих процедур сразу начинается дождь.

Сельское башкирское население не обладает достаточными знаниями о нормах ислама, особенно там, где нет мечетей и священнослужителей. Муллам, приглашенным для проведения погребального ритуала из других селений, в некоторых башкирских селениях приходится объяснять родственникам умершего, что по шариату нельзя класть в могилу вещи (одежду, обувь и пр.), как например, пытались это сделать в д. Язлав Куюргазинского р-на в 2016 г. Информаторы рассказывают о захоронении в 2016 г. незамужней девушки в свадебном одеянии (в платье, фате и туфлях) (д. Якшимбетово Куюргазинского р-на) и т. д.

На городских мусульманских кладбищах башкиры, как и русские и другие народы, устанавливают памятники, барельефы и бюсты умерших нередко причудливой формы, замысловатой конструкции, хотя у правоверных мусульман памятники должны быть простыми. В городах во время похорон по светскому обычаю приносят венки с лентами, а во время посещения могилы – цветы.

Сельские кладбища башкир позволяют проследить эволюцию религиозных взглядов и современное состояние религиозной идентичности. Намогильные памятники свидетельствуют о сохранении традиционных доисламских верований и обычаев у башкир, испытавших в той или иной мере влияние древнего индоиранского, финно-угорского и тюркского населения. Несоблюдение норм шариата при установке намогильных сооружений и проведении обрядов связано с незнанием канонов ислама и силой традиционных обычаев.

Литература

1. Башкиры / отв. ред. *Р.Г. Кузеев, Е.С. Данилко*. – М.: Наука, 2017. – 662 с. (Сер.: Народы и культуры).
2. *Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф.* Семейный быт башкир XIX–XX вв. – М.: Наука, 1991. – 189 с.
3. Гагаузы / отв. ред. – М.: Наука, 2011. – С. 56–59. (Сер.: Народы и культуры).
4. *Гарустович Г.Н.* Распространение ислама в Южно-уральском регионе // Проблемы духовной культуры тюркских народов СССР. – Уфа, 1991. – С. 26–27.
5. *Корусенко М.А.* Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв. – Новосибирск: Наука, 2003. – Т. 7. – 192 с. (Сер.: Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума).
6. *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. – М.: Наука, 1992. – 347 с.
7. *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. – Уфа: Китап, 1984. – 359 с.
8. *Никольский Д.П.* Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. – СПб., 1899. – 123 с.
9. *Петров И.Г.* Надгробные памятники некрещеных чувашей в Приикской зоне Башкортостана: традиции и новации // Праздники и обряды в Урало-Поволжье: традиции и новации в современной культуре. – Самара, 2016. – С. 148–151.
10. *Садиков Р.Р.* Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). – Уфа: Центр этнологических исследований УНЦ РАН, 2008. – 232 с.
11. *Сафин Ф.Г., Мухтасарова Э.А., Сиразетдинов К.О.* Конфессиональная идентичность и уровень религиозности населения Башкортостана (по данным этносоциологических исследований) // Вестник ВЭГУ. – 2017. – № 6. – С. 96–113.

12. Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения) / отв. ред. И.С. Гурвич. – М.: Наука, 1980. – 240 с.

13. Традиционное мировоззрение древних тюрков Южной Сибири. Человек и общество / Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1989. – 243 с.

14. Юсупов Р.М. Погребальный обряд // Башкиры-гайнинцы Пермского края: история, этнография, антропология, этногеомика. – Уфа, 2008. – С. 222–224.

15. Юсупов Р.М. К семантике родовой символики башкир и этимологии этнонимов башкорт, иштяк [Электронный ресурс]. Режим доступа: открытый. – URL: <http://soraman.livejournal.com/71362.html>.

16. Яфаева Г.М. Типология марийских кладбищ в Республике Башкортостан // Этногенез. История. Культура. Вторые Юсуповские чтения. – Уфа, 2014. – С. 340–342.

References

1. *Bashkiry* [Bashkirs] / *otv. red. R.G. Kuzeev, E.S. Danilko*. Moscow. Nauka, 2017. – 662 s. (Narody i kul'tury). (In Russian).

2. Bikbulatov N.V., Fatyhova F.F. *Semejnyj byt bashkir. XIX–XX vv.* [Family life of the Bashkirs. XIX–XX centuries] Moscow. Nauka, 1991. – 189 s. (In Russian).

3. *Gagauzy* [Gagauz] / *otv. red. M.N. Guboglo, E.N. Kvilinkova*. Moscow. Nauka, 2011. – S. 56–59. (Narody i kul'tury). (In Russian).

4. Garustovich G.N. Rasprostranenie islama v YUzhno-ural'skom regione [The spread of Islam in the South Ural region] *Problemy duhovnoj kul'tury tyurkskih narodov SSSR* [Problems of spiritual culture of the Turkic peoples of the USSR]. Ufa, 1991. – S. 26–27. (In Russian).

5. Korusenko M.A. *Pogrebal'nyj obryad tyurkskogo naseleniya nizov'ev r. Tara v XVII–XX vv.* [Burial rite of the Turkic population of the lower reaches of the river. Tara in the XVII–XX centuries] – Novosibirsk. Nauka, 2003. – 192 s. (*Ehtnografo-arheologicheskie komplekсы: Problemy kul'tury i sociuma; t. 7*) [Ethnographic-archeological complexes: Problems of culture and society, vol.7]. (In Russian).

6. Kuzeev R.G. *Narody Srednego Povolzh'ya i YUzhnogo Urala: ehtnogeneticheskij vzglyad na istoriyu* [Peoples of the Middle Volga and Southern Urals: an ethnogenetic view of history]. Moscow. Nauka, 1992. – 347 s. (In Russian).

7. Mazhitov N.A., Sultanova A.N. *Istoriya Bashkortostana s drevnejshih vremen do XVI veka* [History of Bashkortostan from ancient times to the 16th century]. Ufa. Kitap, 1984. – 359 s. (In Russian).

8. Nikol'skij D.P. *Bashkiry: Ehtnograficheskoe i sanitarno-antropologicheskoe issledovanie* [Bashkirs: Ethnographic and sanitary-anthropological research]. Saint-Petersburg, 1899. – 123 s. (In Russian).

9. Petrov I.G. Nadgrobnye pamyatniki nekreshchennyh chivashej v priiskoj zone Bashkortostana: tradicii i novacii [Tombstones of unbaptized Chuvashes in the Priisk region of Bashkortostan: traditions and innovations] *Prazdniki i obryady v Uralo-Povolzh'e: tradicii i novacii v sovremennoj kul'ture* [Holidays and ceremonies in the Ural-Volga region: traditions and innovations in modern culture]. Samara, 2016. – S. 148–151. (In Russian).

10. Sadikov R.R. *Tradicionnye religioznye verovaniya i obryadnost' zakamskih udmurtov (istoriya i sovremennye tendencii razvitiya)* [Traditional religious beliefs and rites of the Zakamsk Udmurts (history and modern trends of development)]. Ufa. Centr ehtnologicheskikh issledovanij UNC RAN, 2008. – 232 s. (In Russian).

11. Safin F.G., Muhtasarova Eh.A., Sirazetdinov K.O. Konfessional'naya identichnost' i uroven' religioznosti naseleniya Bashkortostana (po dannym ehtnosociologicheskikh issledovanij) [Confessional identity and the level of religiosity of the population of Bashkortostan (according to ethnosociological research)] *Vestnik VEHGU* [Bulletin of the Eastern Economic and Humanitarian Academy]. 2017, no. 6. – S. 96–113. (In Russian).

12. *Semejnaya obryadnost' narodov Sibiri (opyt sravnitel'nogo izucheniya) [Family ritual of the peoples of Siberia (experience of comparative study)]* / otv. red. I.S. Gurvich. – Moscow. Nauka, 1980. – 240 s. (In Russian).

13. *Tradicionnoe mirovozzrenie drevnih tyurkov YUzhnoj Sibiri. CHelovek i obshchestvo [Traditional worldview of the ancient Türks of Southern Siberia. Human and society]* / Eh.L. L'vova, I.V. Oktyabr'skaya, A.M. Sagalaev, M.S. Usmanova. Novosibirsk. Nauka. Sib. otd-nie, 1989. – 243 s. (In Russian).

14. Yusupov R.M. Pogrebal'nyj obryad [Funeral rite] *Bashkiry-gajnincy Permskogo kraya: istoriya, ehnoGRAfiya, antropologiya, ehnoGenomika [Bashkirs-gainintsy of the Perm region: history, ethnography, anthropology, ethnogenomics]*. Ufa, 2008. – S. 222–224. (In Russian).

15. Yusupov R.M. *K semantike rodovoj simboliki bashkir i ehTimologii ehTnonimov bashkort, ishtyak* [To the semantics of the patrimonial symbolism of the Bashkirs and the etymology of the ethnonyms Bashkort, Ishtyak]. URL: <http://soraman.livejournal.com/71362.html>. (In Russian).

16. Yafaeva G.M. *Tipologiya marijskih kladbishch v Respublike Bashkortostan* [Typology of Mari cemeteries in the Republic of Bashkortostan] *Ehtnogenez. Istoriya. Kul'tura. Vtorye YUsupovskie chteniya [Ethnogenesis. History. Culture. Second Yusupov Readings]*. Ufa, 2014. – S. 340–342. (In Russian).